

Комиссия по чистке в области начального образования Севильи, май 1939 года

На самом деле мы не раз успеваем умереть до того, как приходит наш последний час. Беспокойная мысль о неисправимом зле, задержавшийся в гардеробе траур, ложные границы «никогда» и «ни за что».

Все это убивает нас капля за каплей.

— Сеньорита Эулалия Моралес?

Палачи — трое мужчин. Только один из них — тот, что слева, — смотрит на нее хоть с какой-то доброжелательностью, стеклянной и хрупкой. Она стоит и разглядывает его: тонкие усики, аккуратная прическа — вид человека, каждое утро совершающего свой туалет со скрупулезностью маркиза. «Возможно, он и вправду дворянин: маркиз или граф», — думает Лали, стоя перед ними, подобно жене Лота, которая вот-вот обратится в соляной столп.

— Да, это я, — кивает она.

Вопрос задавал тот, что сидит в центре стола, — хмурый, с орлиным профилем, с сигаретой, покачивающейся на нижней губе, — это председатель комиссии по чистке, чья подпись, прыгающая, словно ореховая скорлупка на волнах, скрепляет список предъявленных ей необоснованных претензий.

ПЕРЕЧЕНЬ ОБВИНЕНИЙ, предъявляемых Комиссией D по чистке народной учительнице Эулалии Моралес Роман, подлежащий ответу в безотлагательный срок в 10 календарных дней:

- 1) открытая антирелигиозность;
- 2) сочувствие партиям так называемого Народного фронта;
- 3) неприязненное отношение к Национальному движению.

Севилья, 29 ноября 1937 года (II Триумфальный год)

Председатель

Ей не понадобилось десяти дней. Она за два дня составила детальный и обоснованный ответ, письменное ходатайство на несколько десятков страниц, где аккуратным почерком выпускницы католической школы написала о своем религиозном образовании, об уважении к закону, каким бы он ни был, о своей любви к преподаванию.

— Вам известно, почему вы здесь? — строго спрашивает председатель комиссии.

Она не отвечает. Краем глаза она смотрит на того, что сидит справа. Он курит сигарету и со скучающим видом листает десятки страниц ее дела о чистке, рукописных и машинописных, словно рассекающих Лали сверху донизу, как тело на вскрытии.

Она пыталась, но так и не смогла выяснить, кто давал показания против нее, кто был осведомителем, когда комиссия

по чистке изучала ее деятельность на посту учительницы. В большинстве случаев сведения таких осведомителей выеденного яйца не стоят: сплетни, домыслы, «кто-то говорил», «где-то слышал». Она полагает, что в их числе наверняка был дон Сатурнино, приходский священник. Возможно, еще Пури и Хавьер — с этими родителями учеников у нее случались разногласия до того, как война обрушилась молотом на Сьерра-де-Кадис.

Все-таки она надеялась, что среди этих свидетельств найдутся имена многих других отцов и матерей, тех, кто, как Конча, Мерчи или Марсиаль, разделил с ней много радостей, когда она начала работать учительницей. Жажда знаний на лицах ребят; каракули тех, кто только учится писать; звонкие голоски, читающие стихи Мачадо; общие собрания; математические задачки, в которых требовалось складывать или вычитать площади полей; постановки пьес; осенние прогулки за опавшими листьями... Все, во что она вложила душу, ради того чтобы дети крестьян, пахарей, бедняков получили хотя бы один шанс.

Но она знает, что этих родителей никто не опрашивал.
— Отвечайте, когда вам задают вопрос, сеньорита.

Трое мужчин смотрят на нее, их взгляды словно образуют траекторию кометы. Лали поспешно извиняется: «Да, прошу прощения». Затем тот, что справа, передает дело председателю, который с таким же ленивым видом, без интереса его пролистывает.

Между ними пляшет табачный дым, извивается и тает на фоне белой стены, с которой, как с алтаря, смотрят вниз портреты Франко и Хосе Антонио Примо де Риверы.

— Комиссия готова огласить решение по вашему делу о чистке, сеньорита, — объявляет ей председатель низким простуженным голосом.

Лали поднимает взгляд на всех мужчин: на троих членов комиссии и на тех, что застыли в рамах, на Франко и на Примо де Риверу.

— Вы готовы? — спрашивает тот, что с усиками, единственный, кто посмотрел на нее доброжелательно, когда она вошла в зал провинциального суда Севильи.

Отец однажды сказал ей: «Храни достоинство до последнего».

— Да, — твердо кивает она и прячет руки, чтобы не было видно, как они дрожат.

Председатель ищет в папке последний документ в деле, тот, что содержит заключение, которого Лали столько ждала. Найдя нужную бумагу, он затягивается сигаретой и начинает читать. Его голос звучит, как, наверное, звучал голос Бога, когда тот обращался к избранному народу.

— Итак. Рассмотрев по существу предъявленные обвинения и представленное учительницей ходатайство, все-сторонне изучив материалы дела и дополнительные сведения, полученные всеми доступными настоящей комиссии средствами, мы выносим следующее решение по делу учительницы Эулалии Моралес Рóман: единогласно предлагается признать недействительным ее диплом учителя, выданный Нормальной школой Севильи, и лишить ее права вести преподавательскую деятельность.

Время останавливается на вдохе.

Не может быть.

У нее подкашиваются колени. Дрожь поднимается к бедрам, потом вверх по спине.

Она надеялась.

Она всеми силами старается устоять на ногах, сдержат этот поток.

Нет. Нет.

— Ответчик может подать апелляцию в Высшую комиссию по делам о чистке в течение десяти рабочих дней, — продолжает председатель.

Но Лали этого уже не слышит.

— Вам все понятно, сеньорита?

Через несколько секунд она кивает, обессиленно вздрогнув. Она видит, как председатель закрывает папку и откладывает ее в сторону лицом вниз.

Лали смотрит на нее. Как будто лицом вниз положили еще и ее саму. И она будет так лежать много лет.

— Не тратьте время на апелляцию, Эулалия, — вдруг говорит тот, что справа. — Мадридская Высшая комиссия ни разу еще не отменяла решение провинциальной комиссии.

Сигаретный дым по-прежнему пляшет между ними, невесомый, вызывающий.

— Займитесь своей жизнью. Вы же недавно вышли замуж, верно? — уточняет тот, что слева. Он встает и указывает ей на дверь. — Рожайте детей, позаботьтесь о том, чтобы наставлять их в вере. Так вы сможете искупить свою вину.

Вину. Лали до сих пор не понимает, в чем ее вина, какой грех она совершила.

И она больше не может сдерживаться. Ее ноги словно приросли к полу.

— Это несправедливо! — выкрикивает она. В висках пульсирует кровь, вены вздулись.

Но она еще долго не узнает ответов. Что она сделала? Почему именно она?

— Вы должны быть благодарны, сеньорита, что Испания дает вам возможность начать новую жизнь без преподавательской деятельности, — упрекает ее председатель и досадливо машет рукой в сторону выхода.

Да, она займется своей жизнью; будет примерной супругой, родит детей, станет ходить на мессу в двенадцать часов и танцевать по вечерам на празднике Святой Анны и на апрельской ярмарке.

— Не всем так повезло, как вам, — добавляет он.

Пройдет больше тридцати лет, прежде чем она попытается вернуть то, чего ее лишили.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Замена

Севиля, апрель 1972 года

Лали всегда это знала. Учить — все равно что разводить огонь.

— Представь себе, Рейита, — говорит она девочке, лукаво подмигнув, — что математика — это вкусный шоколадный торт.

Маленькая Рейес поднимает глаза от тетрадки на спирали и смотрит на учительницу, морща лоб. Потом несколько секунд раздумывает над этим странным сравнением, но в конце концов сдается.

— Как это — торт, сеньо?

Лали кивает. «Торт, — тихонько повторяет девочка, — шоколадный торт». Будто все станет понятно, если она почувствует вкус этого слова на кончике языка, похрустит им, словно карамелью. Но она только вздыхает и добавляет:

— Сеньо, если честно, я не понимаю, как это.

Девочка так обращается к Лали, «сеньо», хотя Лали на самом деле не ее учительница — просто начала несколько дней назад помогать ей после обеда с уроками, которые задают в строгой частной школе.

— Мне дали о вас хорошие рекомендации, — сказала ей Эстер, мать Рейес, отвергнув нескольких кандидатов.

Лали кивнула женщине — высокий пучок, золото, виднеющееся в скромном вырезе платья, дворянская фамилия, — полагая, что Эстер, по-видимому, говорила с Марипили, матерью того мальчика, который благодаря Лали чудесным образом не остался на второй год в восьмом классе.

— Моя Рейес очень умная, — продолжала мать, глядя девочку по голове. — Но она отвлекается и витает в облаках. К тому же у нее недавно было первое причастие, и она в последнее время немного нервная. Сами понимаете, дети.

Да, Лали прекрасно понимала, что такое дети и как найти подход к их уму, где порой, кажется, скрывается Лабиринт с голодным Минотавром.

Эстер похвасталась:

— Она у нас на врача пойдет, знаете ли. Но у нее трудности с математикой.

При слове «математика» Рейес на секунду скорчила гримасу, которую успела заметить только Лали. Девочка была в школьной форме с клетчатой юбкой, на шее висел крестик, а забавные хвостики были идеально ровно перевязаны бантиками.

— Значит, хочешь стать доктором, да, Рейита? — спросила ее Лали.

Девочка подняла взгляд, невинный и бесхитростный, который, как у каждого ребенка, скрывает тайну человечества.

— Да, сеньо, — ответила она робко, после того как мать ее подтолкнула.

Женщины рассмеялись, услышав это спонтанное «сеньо», и, возможно, поэтому мать оставила без внимания, что Лали, не спросив, уместно ли это, назвала ее дочь

уменьшительным именем, больше подходящим маленькой цыганке из района Триана.

— Ну что ж, вот и договорились, — заключила Эстер, наконец убежденная. — Когда вы сможете приступить, Эулалия?

Сейчас, в классной комнате маленькой Рейес, Лали отодвигает в сторону тетрадь с задачами и примерами, выведенными красивым каллиграфическим почерком выпускницы католической школы, и просит девочку встать из-за стола.

— Оставь пока тетрадку, карандаш и ластик, Рейита. Пойдем со мной.

Рейес удивленно смотрит на нее. Лали берет ее за руку и ведет к выходу из классной комнаты. Они проходят по длинному коридору на кухню.

Как обычно, днем больше никого нет дома.

— У нас что, будет полдник, сеньо? — с любопытством спрашивает Рейес. — Мама мне не разрешает перебивать аппетит.

Лали открывает холодильник и рассматривает полки.

— У вас есть шоколад?

Через несколько секунд она восклицает: «Ага!» — и достает из холодильника хрустальную вазочку, в которой лежит несколько торрих*, видимо, оставшихся от вчерашнего десерта.

— Торрихи тоже подойдут.

* Торриха — десерт из хлеба, замоченного в молоке с сахаром и пряностями и затем обжаренного. Традиционно готовится в дни Великого поста. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Рейес смотрит на вазочку с волнением человека, который собирается совершить нечто запретное. Мама дает ей по маленькому кусочку торрихи за раз, да и то только потому, что сейчас Великий пост.

— Мы будем есть торрихи?

Учительница снова смотрит на нее с озорной улыбкой, с детской веселостью, неподобающей, неуместной или по крайней мере неожиданной для шестидесятилетней женщины.

— Если ты не проболтаешься маме, я тоже ей не скажу. Договорились? — спрашивает она девочку, доставая с полок тарелки и приборы.

Рейес кивает, хотя и не понимает, почему учительница предлагает ей этот странный уговор.

— Но сперва давай-ка я тебе объясню, что такое математика на самом деле, хорошо?

Лали снимает хрустальную крышку с вазочки, выпуская наружу ароматы корицы и меда, аккуратно подцепляет вилкой одну торриху и кладет на тарелку.

Кажется, что она имеет дело с каким-то опасным химическим реагентом, а не с десертом.

— Как я тебе уже говорила, Рейита, нужно просто представить, что математика — это вкусная торриха. Посмотри на нее хорошенько. Чтобы она у нас получилась вот такой нежной и мягкой, надо смешивать ингредиенты строго по рецепту. Так вот, числа в математике — как ингредиенты нашей торрихи. Ну, ты знаешь, хлеб, молоко, сахар, корица... Когда мы их складываем и вычитаем, умножаем или делим, от наших действий зависит, получится торриха помягче или пожестче и какая будет на вкус. Тебе понятно, солнышко?

Рейес кивает, увлеченная удивительным объяснением учительницы.

— Кажется, да, сеньо.

К экзамену на звание учителя, который Лали сдала незадолго до войны, она написала эссе по педагогике, где цитировала Анхеля Льорку, Марию Монтессори и Георга Кершенштейнера и предлагала целый ряд таких педагогических приемов.

— Но на этом все не кончается, Рейита, — продолжает учительница. — Вот у нас есть ингредиенты, а как же их смешать? Если сделать это как придется, у нас может получиться не торриха, а размазня, верно?

Она смотрит на Рейес и снова по-детски смеется.

— Конечно! — хихикает девочка вместе с ней. — Как в тот раз, когда мы с мамой пекли кекс и забыли положить дрожжи, да?

— Именно так! — кивает Лали, отрезая два кусочка торрихи. — Нам нужны инструкции, чтобы мы точно знали, что надо делать, понятно?

Она дает кусочек девочке, которая в ту же секунду засовывает его в рот и принимается торопливо жевать.

— Как вкусно! — говорит она с набитым ртом.

— В математике такие инструкции — это формулы. Можно сказать, что формула — как рецепт: она помогает нам правильно выбрать действия, например, чтобы приготовить вкусную торриху. Нарезать хлеб ломтиками, подогреть молоко с сахаром, смолоть корицу, взбить яйца...

Когда она преподавала в деревенской школе, Лали приносила в класс самые разные вещи, чтобы помочь ученикам

понять материал. То лече фрита*, то гаспачо с острым перцем, то инструменты в плетеной корзинке. Приходилось что-то придумывать каждую неделю. Книги книгами, но лишь немногие из этих ребят умели читать и писать.

— Математика есть во всем, что мы видим вокруг, Рейита, — продолжает она, пока они вдвоем по кусочку доедают торриху. — Ты состоишь из миллионов клеток, и в твоем теле содержится рецепт, по которому тебя сделали папа с мамой. И воздух тоже состоит из маленьких частиц, а вместе они образуют такой состав, которым мы можем дышать. Математика — это не примеры, не скучные таблицы умножения и деления. Математика объясняет все на свете.

Рейита молчит, задумчиво разглядывая пустую тарелку, на которой осталась только капелька меда.

И наконец ее лицо озаряется.

— Теперь поняла, сеньо! — восклицает она, ловя взгляд учительницы, и на щеках у нее появляются красивые ямочки. — Складывать, вычитать и умножать — это как готовить десерт!

И этот взгляд.

— Именно так, Рейита!

Взгляд, который Лали столько раз видела: детские глазки, загоревшиеся любовью к знаниям.

— Ты поняла! — И она хлопает ее по ладошке.

* Лече фрита — десерт из молока, загущенного с мукой и затем обжаренного.

Лали знает, что эту любовь у девочки никто не отнимет, и неважно, богатая или бедная жизнь ее ждет и будет ли чем прокормиться.

— Вот увидишь, теперь ты полюбишь математику, Рейита.

Этот взгляд Лали смогла когда-то зажечь у своих деревенских учеников: у маленького Хуанито, у Долорес, у Асусены — детей крестьян и батраков, которые ходили к ней на уроки с восторгом, будто на представление фокусника.

Ей вдруг вспоминается:

«А вы знаете, что картошка родом из Америки?»

Педрито, Хосе, Паскуаль — она до сих пор не забыла эти имена.

«А вы знаете, что у морской звезды утраченные лучи снова отрастают?»

И еще Роке, Хоакин, Рамон — те ребята, на которых она изливала весь свой энтузиазм учительницы на замену, только-только окончившей севильскую Нормальную школу, где готовили преподавателей начальных классов.

«А вы знаете, что Солнце — это тоже звезда, просто она к нам очень близко?»

Те, о ком она долго и подробно писала в своем учительском дневнике. «Сегодня Пакито пришел в класс голодный, я отдала ему свое яблоко». «Хосефа сегодня наконец-то научилась писать свое имя».

Тогда она верила, с убежденностью человека, которого посетило религиозное видение, верила, что образование — это самое мощное средство, способное изменить Испанию.

— Скорее, сеньо, пойдемте обратно в классную комнату. Теперь-то примеры у меня точно получатся! — радуется Рейита.

Тогда она в это верила.

— Идем, солнышко!

Как же давно это было.

В конечном счете каждый делает со своим прошлым то, что может. Точнее, почти каждый и единственное, что может. Оставляет его позади. Лали много раз пыталась так поступить, но с годами поняла, что не расстанется с делом, которое дается ей лучше всего на свете: учить, и неважно, в школьном классе или за обеденным столом богатого дома за двести песет в час.

— Надо было просить пятьсот, но сам знаешь, какая я, — признавалась она мужу.

Да, Клементе, ее муж, знал, какая она, и поэтому не укорял ее, напоминая, что ее знания стоят гораздо больше, чем жалкие двести песет в час, которые она могла бы заработать и с метлой в руке.

Наступает вечер. Добираться до дома — маленькой квартирки в районе Макарена на севере города — из района Лос-Ремедьос, куда она ездит давать уроки маленькой Рейес, Лали нужно на двух автобусах, с пересадкой. Она до сих пор чувствует во рту вкус торрихи, которую Эстер, конечно, не готовила сама, а купила в какой-нибудь кондитерской по соседству.

К ней подходит женщина с ребенком.

— Автобуса еще не было, сеньора? — спрашивает мать, тяжело дыша, заходит под козырек остановки и тянет сына за руку.

Лали качает головой. Она уже несколько минут ждет автобуса, первого на ее сегодняшнем маршруте. Женщина, удовлетворившись ответом, встает за ней и вздыхает. Лали с любопытством наблюдает за ребенком, который носится вокруг, размахивая маленькой машинкой.

— Луисито, осторожно, сейчас автобус придет.

Мальчик бежит с игрушкой, катает ее по всем плоским поверхностям, изображая крутые повороты. Наконец мать, заметив автобус — тот уже показался в конце улицы и выезжает на круговой перекресток с проспектом Аргентинской Республики, — призывает сына к порядку.

— Луис, ради Бога, ну заканчивай уже свои игры!

Ребенок, вытянув шею, восхищенно следит за приближением синего автобуса. Когда мальчик занимает свое место в очереди под козырьком, его глазки, похожие на стеклянные шарики оливково-зеленого цвета, встречаются с глазами Лали, которая заслоняется рукой от солнца.

От сильного и жаркого солнца.

— Любишь машины, да, Луисито? — улыбается она ему.

Мальчик кивает и краснеет. Вскоре пыхтящий автобус со скрипом тормозит у остановки. Лали поедет на нем, потом переседет на другой. Автобус пересекает реку по мосту Ремедьос, открытому несколько лет назад, чтобы разгрузить мост Трианы. Генералиссимус собственной персоной торжественно открывал мост жарким июньским утром. Клементе ходил смотреть.

— Франко уже на ногах еле стоит, — воскликнул муж, вернувшись домой после церемонии.

Дорога домой занимает у Лали больше часа. Почему-то она все время обращает внимание на них, на этих Луисито, на маленьких детей, которых взрослые едва замечают, как будто они в этом мире не более чем массовка. Она роется в сумке, достает ключи и отпирает дверь.

Она кричит, как каждый вечер:

— Я дома!

Потом проходит по коридорчику с семейными фотографиями, макраме и морскими пейзажами до гостиной их маленькой квартиры. Тут ее ждет Клементе, он встает, приветствуя жену.

— Добрый вечер, милая!

Давным-давно Клементе ей сказал, что, если понадобится, он пойдет за ней, даже если будет рушиться мир, но мир пока так и не рухнул. Может быть, как раз поэтому, несмотря на то что прошло так много времени — тридцать пять лет, восемь месяцев и три дня, — он как будто по-прежнему стремится завоевать ее сердце.

Завоевать ее сердце.

— Как прошел твой день, Лали? Иди сюда, дай я тебя поцелую.

Их губы встречаются, аккуратно, робко, благопристойно.

— Ох, как же я устала, Клеме, — вздыхает она, расстегивая трикотажную кофту, в которой она утром немного замерзла, а днем запарилась.

— Как новая девочка?

В доме тихо. Дети уже давно живут отдельно, внуки приезжают только на выходные.

— Умненькая, но неуверенная в себе, — отвечает Лали, усаживаясь на диван перед купленным в рассрочку телевизором. — Сама себя стопорит, поэтому учителям с ней трудно. Мне кажется, родители на нее очень давят, отсюда и неуверенность. Бедняжка, в девять-то лет.

Он ехидно усмехается.

— Нынешние девятилетние не то, что в наше время, Лали. Теперь у детей много удобств.

Жена посмеивается.

— Мне бы таких, Клементе.

— Кого?

Она встречается с ним глазами и язвительно улыбается.

— Удобств, конечно, душа моя.

В девять лет Лали воспитывала младшую сестренку Исабелиту, а по ночам упорно училась читать, тайком зажигая свечу.

Клементе в девять лет работал в поле и ходил за коровами, которые его лягали, если он слишком сильно дергал за вымя. А дальше были лозунги раскалывающейся Испании, вскинутая в салюте рука, рубашка с расстегнутым воротом.

— А у тебя как день прошел, Клеме?

Он тоже вздыхает — каждый изображает, будто влачит свой крест, — и садится на диван рядом с ней.

— Хорошо, только — уф! — в больнице уже становится душно, представляешь?

Лали кивает. Да, весеннее солнце в этом году прямо-таки жарит. Хорошо, что в квартире Рейес есть современный вентилятор американской фирмы; правда, шумит он так, что им с ученицей казалось, будто над ними кружит стая птиц.

— Как говорится, если в марте как в мае...

Лали обычно не заканчивает поговорки, потому что предполагает, что собеседник и так знает вторую половину. Клементе кивает. Он работает санитаром в больнице Синко-Льягас в Макарене. Среди всего медицинского персонала нет никого, кто знал бы больницу лучше, чем он. Он устроился туда после войны, когда молодая пара обосновалась в Севилье после скромной и поспешной свадьбы.

Слухи, которые никто не мог проверить.

— Что у нас на ужин? — спрашивает он после паузы.

— Я овощной суп сварила, — отвечает Лали и поднимается с дивана.

Она направляется на кухню, а он смотрит ей вслед, любясь покачиванием ее бедер. Через несколько минут она возвращается в гостиную с двумя глубокими тарелками, в которых приплясывают кусочки моркови и картофеля. С ее появлением муж убирает со стола вязаную скатерть и, перед тем как снова сесть, переключает телевизор на центральный канал.

Это их ежевечерний танец — скатерть, суп, телевизор, — танец любви, отточенный годами, со счетами за ипотеку и разговорами на диване.

«Далее в программе: последние новости Испании...» — объявляет Хесус Эрмида, ведущий передачи «24 часа».

Лали он не нравится. Есть в нем что-то такое — комедиантское, что ли.

— Не включай так громко, душа моя! — упрекает она, хлопнув его по спине. — Мы же еще не оглохли.

Он поспешно встает прикрутить громкость. А когда снова садится на диван, театрально прикладывает руку к уху:

— Что-что ты сказала? — шутит он подрагивающим голосом. — Я не расслышал!

— Поделом тебе, — отвечает Лали, сдерживая смех. — Не надо выкручивать на максимум.

Клементе кивает и смотрит на нее, как смотрел столько раз, очарованный изгибом ее губ.

— Ты смеешься так, как, наверное, смеются ангелы, — сказал он ей много лет назад.

Потому что Лали в юности могла осветить ночь своей улыбкой.

— Бурбоны и Франко породнились! — объявляет ведущий приторно-медовым голосом. — Женитьба Альфонса Бурбона-и-Дампьера, внука Альфонса XIII, на Кармен Мартинес-Бордиу, внучке генералиссимуса, укрепит союз между режимом и королевским домом, — продолжает он.

Лали цокает языком, пока по телевизору идут кадры брачной церемонии. Внучка удивительно хороша, а у жениха такая осанка, какая бывает только у королей и могильщиков.

— Союз? А что, интересно, об этом думает дон Хуан, которого Франко на пару с Хуаном Карлосом решили обойти? — возмущается Лали.

Супруги обычно обсуждают за ужином вечерний выпуск новостей, и порой это выливается в разгоряченные дебаты, победительницей из которых почти всегда выходит жена.

— Наверняка Франко продумал, дорогая...

Она в ответ только раздосадованно фыркает и продолжает, не слишком заботясь о выборе слов.

— Да что эта старая развалина может продумать?

Клементе с иронией смотрит на Лали. Его забавляет, когда она ворчит. Она становится похожа на свою мать, Мерседес, и точно так же морщит нос, когда чем-то недовольна.

— Над чем смеешься? — спрашивает она.

Сейчас супруги могли бы затеять очередную дискуссию, из-за которых они обычно забывают о новостях, полностью сосредотачиваясь на доводах друг друга. Аргументы Лали, высказываемые свободно, без ограничений, к каким надо прибегать вне дома, — только в семейном кругу или на занятиях она может распоряжаться своими словами как пожелает. Суждения Клементе — примирение с прошлым, нужно думать о будущем Испании и так далее.

Они могли бы снова поспорить, но вдруг их останавливает звонок в дверь — «трень-трень», — который всегда напоминал Лали стрекотание цикад.

Они переглядываются.

— Кто это может быть в такое время? — удивленно спрашивает он.

Лали встает первая.

— Не знаю, пойду посмотрю.

Она подходит к двери и заглядывает в глазок.

— Здравствуйте! Вы дома?

Она и вообразить не могла, кто за дверью.

— Кто там?

Лали рассматривает ее через глазок. Молодая женщина с длинными темными волосами, в джинсах. На вид одного возраста с Аной, старшей из троих детей, которые родились у них подряд, как будто родительство — это забег на сто метров.

— Есть кто дома?

Наконец Лали открывает дверь и ждет, что скажет девушка.

— В-вы Эулалия Моралес? — спрашивает та.

Говор у нее нездешний.

— Да, это я. Могу чем-то помочь?

Эулалией ее называют только незнакомые люди — с тех пор, как себя помнит, она всегда была Лали. Во всяком случае, в первых воспоминаниях, из которых в ее памяти складывается счастливое детство, где она бегает за щенками и играет с сестрами, она слышит: «Лали, сокровище мое!» от отца, царство ему небесное.

Воспоминания, которые населяют намеренно оставленную пустоту.

— Извините, что я вот так к вам явилась, Эулалия...

От девушки пахнет духами. Она безуспешно пытается сдержать дрожь в голосе. Потом замолкает, как будто не знает, что говорить.

— Я слушаю. Чего вы хотели?

Они смотрят друг на друга. Ее глаза кажутся Лали знакомыми, но она никак не поймет почему.

— Думаю, вы можете мне помочь...

Большие глаза, живые, глубокие, как океан.

— Чем помочь? — удивляется она.

Она и за миллион лет не догадалась бы, что услышит дальше.

— ...Найти женщину по имени Хуана Очоа, — наконец удастся выговорить девушке. — Она была учительницей, как и вы.

Молчание.

Из гостиной доносится голос Хесуса Эрмиды. Чарующий голос, как у любого радиоведущего.

— Что?

Хуана Очоа. Уже больше тридцати лет она не слышала это имя.

— Насколько я знаю, вы с ней вместе сидели в женской тюрьме в Малаге во время войны.

Обе застыли на месте.

— И зачем ты ее ищешь? — озадаченно спрашивает Лали.

Девушка снова заикается:

— Она м-моя родная м-мать.

Снова молчание. Проходит две-три секунды, и Лали узнаёт наконец эти глаза.

— Не может быть...

Узнаёт пронзительный, порой жгучий взгляд, такой же, как у Хуаны, и, не говоря ни слова — потому что не может выговорить ни слова, — приглашает девушку войти.

Алькала-дель-Валье (Кадис), май 1936 года

Поводья лошади танцуют и время от времени перекре- щиваются в выдубленных солнцем руках возницы, по- крытых трещинами, как старая древесина. Лали наблю- дает за этими неожиданно изящными движениями: он словно дирижирует оркестром.

— Так уж тут живут, понимаете? — не оборачиваясь, объ- яняет он хриплым надтреснутым голосом, удивительно гармонирующим с его руками. — Без спешки.

Из пассажиров повозки только Хосе, отец Лали, слушает слова деревенского жителя, который по просьбе алькальда* встретил их на станции, чтобы довести до деревни; обыч- ные слова о сельской жизни или об урожае.

Слова, которые для Лали звучат так, будто взяты из романа о приключениях в далеком экзотическом краю.

— В городе-то все носятся, как куры с оторванной го- ловой.

Но край на самом деле не такой уж далекий: деревня Алькала-дель-Валье в ста пятидесяти километрах от границы сьерры. От Севильи до Хереса поездом, а дальше — трястись

* Алькальд (исп. *alcalde*) — выборный глава муниципальной админи- страции в Испании, по функциям схожий с мэром.

в повозке мимо террасных полей, оливковых деревьев и вьющегося вдоль дороги винограда.

Это ее первое направление на работу — учительницей на замену.

— Стало быть, ваша дочка будет новой деревенской учительницей? — спрашивает возница, держа поводья с деликатностью Эрика Сати.

Только тут Лали, не отводившая взгляд от горизонта, поворачивается к нему, но отвечает отец.

— Верно, приятель. Учительница. Кто бы мог подумать?

Хосе улыбается сквозь усы такой же улыбкой, с какой несколько недель назад спустился в кабачок возле дома, чтобы всем рассказать, что дочь сдала квалификационные экзамены. Поздравления и радостные крики Лали слышала даже из окошка квартиры.

— Я буду ее заменять, — отвечает она решительно; пусть не думает, что она слабонервная или неопытная. — Насколько я знаю, со штатной учительницей произошел несчастный случай.

Возница кивает и снова смотрит на дорогу, выравнивая ход лошади резким окриком «хья!», который удивительным образом достигает желаемого эффекта. Тощая гнедая возвращается на дорогу, с которой было сошла, и колокольчики у нее на упряжи мелодично позвякивают.

На небе пылает жаркое весеннее солнце.

— Ну, надеюсь, вам повезет больше, чем ей, сеньорита. Возница лениво окидывает Лали взглядом, шурится и поправляет соломенную шляпу.

Отец с дочерью озадаченно переглядываются.

— А что с ней случилось? — спрашивает отец, ухватившись за борт повозки, чтобы поудобнее устроиться на ящике из-под фруктов, который служит сиденьем.

— Что случилось? Да полезла стену красить и вроде как оступилась на лестнице.

Лали сдерживает взглас сожаления. Ей приходит на ум, что такое вполне могло бы произойти и с ней. Она не из тех, кто пугается высоты или побоится подвернуть юбку, чтобы повесить шторы, покрасить потолок или побелить стену.

— Не знаете, сильно ли она пострадала? — спрашивает она у возницы.

— Сильно ли? Не знаю. Но говорят, лодыжка у учительницы была все равно что спелая груша. — Он отпускает поводья и показывает руками, как будто держит невидимый мяч. — Знаете, вот так раздуло. Говорят, ногу сломала.

— Ох, бедная.

Конечно, Лали сочувствует учительнице, но вместе с тем эти три перекладыны лестницы, это падение, которое произошло так вовремя, принесли ей первое направление на работу. И хотя она ни за что не пожелала бы коллеге такого несчастного случая, Лали, получив письмо, в котором ее просили немедленно выехать в Алькала-дель-Валье, не сдержалась, запрыгала от радости и бросилась обниматься с родными..

На горизонте вырисовываются очертания колокольни. А потом становится видно остальную деревню, приютившуюся в долине: беленные известью фасады, сияющие на солнце, яркие черепичные крыши, рощицы каких-то густолиственных деревьев.

Она улыбается. Столько времени она ждала своего первого назначения, и вот оно приближается со скоростью медленного и мерного шага тощей лошади.

— Дочка-то у вас совсем молоденькая, а? — спрашивает возница у Хосе и смотрит на него в ожидании согласия, пока девушка разглядывает пейзаж. — Съедят ее ребята, как пить дать.

Кажется, ему безразлично, что Лали может его услышать, как будто и так всем ясно, что невысокая юная девушка не удержит класс в руках, как держит поводья опытный возница, привычный к каменистым дорогам.

— Дочку мою съедят? Да она боевая, хоть по виду и не скажешь, — насмешливо отвечает Хосе.

И подмигивает Лали правым глазом, который у него косит. Он сейчас вспомнил то, что она много раз ему говорила: «Мы, женщины, вовсе не беззащитные, папа».

Лали впервые услышала об этом в Нормальной школе. Там девушки со стрижкой гарсон читали Вирджинию Вулф и спорили с преподавателями, упоминая незнакомые Лали имена: Эммелин Панкхёрст, Элла Янг, Мария Монтессори. А еще суфражистские лозунги, призывы совершить революцию в образовании, которые она слышала, прилежно конспектируя все подряд, насколько позволяла затекающая рука (и противная мозоль, натертая на среднем пальце). Она конспектировала так много и так торопливо, что иногда, перечитывая записанное дома, не могла понять некоторые слова.

— Папа, а ты случайно не знаешь, как должно быть: Элизабет Холломэй или Холлоуэй?

Она не спрашивала у матери, Мерседес, потому что та не умела ни читать, ни писать.

— Наверное, Холлоуэй, сокровище мое, — говорил Хосе, щурясь на страницу блокнота с мелкими неразборчивыми строками.

Услышав болтовню возницы, Лали хмурится и решает ответить так, как ответили бы некоторые из ее однокурсниц.

— Чтобы заслужить уважение детей, важен отнюдь не только внешний вид, — возражает она с дерзостью диккенсовских героев. — Преподавание, знаете ли, идет от сердца.

«Снимаю шляпу», — сказала бы Агустина, ее преподавательница из Нормальной школы, ярая поборница регенерационизма* в образовании. Но возница щелкает языком.

— Что мулов учить, что детей — только одно средство нужно. Знаете какое, сеньорита? Палка, — возражает он, заметно разочаровавшись. — Палок на них не жалеть.

Потом он понукает лошадь очередным «хья!» и, не сводя глаз с дороги, бормочет себе под нос что-то еще, возможно, насчет Лали и нелепых идей городской учительницы.

Таких же идей — сердце, преподавание, уважение, — о каких говорила та, другая учительница, которая несколько

* Регенерационизм (исп. regeneracionismo) — интеллектуальное и общественно-политическое движение в Испании конца XIX — начала XX века, которое стремилось провести объективное и научное исследование причин краха Испанской империи.

дней назад упала с лестницы, когда красила школьный фасад.

Несколько мальчишек носятся по брусчатой площади перед городским советом, с ловкостью акробатов перепрыгивая через цветочные горшки и плети вьющихся растений.

— Не догонишь!

Тут, в деревне, солнце, палившее в дороге, как будто дает им передышку; может быть, потому, что в долине свой особый климат, как говорят местные; словно ни с гор, ни с побережья до Алькала не доходят ни весенние грозы, ни западный или восточный ветер, ни жаркое солнце.

— Ну ты черепаха!

Лали слышит раскаты их смеха еще за несколько минут до того, как повозка въезжает на площадь, где в тени апельсинового дерева ждет алькальд.

— Добрый день! Хорошо добрались?

Поглощенная игрой детей, она замечает его, только когда оказывается совсем рядом.

— Меня зовут Кандидо, я здешний алькальд, — представляется он.

Это сухопарый человек с широкой улыбкой, седыми волосами и широкими бровями над глубоко посаженными глазами. Он земледелец и социалист.

— Представить не можете, как мы вас ждали! — произносит он нараспев.

И, к удивлению Лали, алькальд делает несколько вещей почти одновременно: снимает с головы мягкую шляпу, протягивает руку поздороваться с новоприбывшими, помогает

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Замена	15
Часть вторая. Свист	111
Часть третья. Эксперимент	223
Часть четвертая. Надежда	321
Эпилог. Урок	451
От автора	463
Благодарности	467